

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

9

■ 2014 (183)

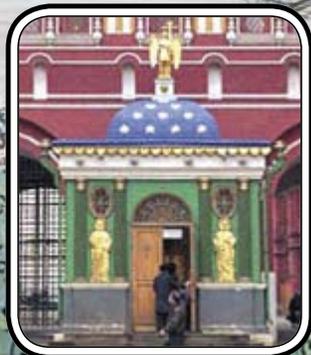
6+

РУССКИЙ МУЗЕУМ:
Аполлинарий Васнецов

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Фея сиреневый глаз

УГОЛОК РОССИИ:
Врата Красной площади

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Богатыри
земли Русской

Художник В. Панов

Константин Аксаков

МОСКВА

Столица древняя, родная —
Её ль не ведает страна?
Её назвать, — и Русь святая
С ней вместе разом названа.
У ней с землёй — одна невзгода,
Одно веселье — общий труд.
Её дела, любовь народа
Ей право первенства дают.
За Русь не раз она горела,
Встречая полчища племён;
За Русь не раз она терпела
И поношение и плен.
В напастях вместе с нею крепла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь из пепла, —
И с нею Русская земля.
Её удел: всегда тревожить
Врагов России заклятых.
Её унижить, уничтожить
Не раз пыталась злоба их:
Но, в страх врагам, но в радость краю
Она, великая, жива,
И старый клич я подымаю:
Да вечно здравствует Москва!

«Чудо Георгия о змие»
Икона
Конец XIV века

В номере:

3

Богатыри земли Русской

Былины

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Владислав Бахревский

**Деревянное кружево под куполами:
Аполлинарий Васнецов**

22

ЛИЦЕЙ

Ольга Жукова

Московский манер на все времена

24

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Наталья Гаврикова

Фея Сиреневый Глаз

29

ЖИВОЙ УГОЛОК

Олег Трушин

Хлопотное дело

31

БУХТИНЫ

Павел Гусев

**Журавлиная стая
Настойчивый Черепашка**

32

УГОЛОК РОССИИ

Врата Красной площади

34

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Сергей Глядко

**Достижения цивилизации:
железо, сталь и другие металлы**

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Овчинникова

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юриисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.
Тел.: 8 (499) 261-84-61
Факс: 8 (499) 261-49-29
E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано
в ОАО «Первая Образцовая
типография»
Филиал «Чеховский
Печатный Двор»
(142300, Московской обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1)
Факс: 8 (496) 726-54-10,
Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела
продаж услуг: 8 (499) 270-73-59
Сайт: www.chpk.ru
e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 3959

© «Роман-газета», 2014 г.

Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Богатыри земли Русской

Обработка
для детей
Н. Карнауховой

Былины

Художник
Ю. Иванов

Вольга Всеславьевич

Закатилось красное солнышко за горы высокие, рассыпались по небу частые звёздочки, родился в ту пору на матушке-Руси молодой богатырь — Вольга Всеславьевич. Запеленала его мать в красные пелёнки, завязала золотыми поясами, положила в резную колыбель, стала над ним песни петь.

Только час проспал Вольга, проснулся, потянулся — лопнули золотые пояса, разорвались красные пелёнки, у резной колыбели днище выпало. А Вольга на ноги стал, да и говорит матери:

— Сударыня матушка, не пеленай ты меня, не свивай ты меня, а одень меня в латы крепкие, в шлем позолоченный да дай мне в правую руку палицу, да чтобы весом была палица в сто пудов.

Испугалась мать, а Вольга растёт не по дням, не по часам, а по минуточкам.

Вот подрос Вольга до пяти годов. Другие ребята в такие годы только в чурочки играют, а Вольга научился уже грамоте, — писать и считать и книги читать. Как исполнилось ему шесть лет, пошёл он по земле гулять. От его шагов земля заколебалась. Услыхали звери и птицы его богатырскую поступь, испугались, попрятались. Туры-олени в горы убежали, соболя-куницы на острова уплыли, мелкие звери в чащу забились, спрятались рыбы в глубокие места.

Стал Вольга Всеславьевич обучаться всяким хитростям. Научился он соколом по небу летать, научился серым волком обёртываться, оленем по горам скакать.

Вот исполнилось Вольге пятнадцать лет. Стал он собирать себе товарищей. Набрал дружину в двадцать девять человек, — сам Вольга в дружине тридцатый. Всем молодцам по пятнадцати лет, все могучие богатыри. У них кони быстрые, стрелы меткие, мечи острые.

Собрал свою дружину Вольга и поехал с ней в чистое поле, в широкую степь. Не скрипят за ними возы с поклажей, не везут за ними ни постелей пуховых, ни одеял меховых, не бегут за ними слуги, стольники, поварники...

Для них периной — сухая земля, подушкой — седло черкасское, еды в степи, в лесах много — был бы стрел запас да кремень и огниво.

Вот раскинули молодцы в степи стан, развели костры, накормили коней. Посылает Вольга младших дружинников в дремучие леса:

— Берите вы сети шелковые, ставьте их в тёмном лесу по самой земле и ловите куниц, лисиц, чёрных соболей, будем дружине шубы запасать.

Разбрелись дружинники по лесам. Ждёт их Вольга день, ждёт другой, третий день к вечеру клонится. Тут приехали дружинники невеселы: о корни ноги сбили, о колючки платье оборвали, а вернулись в стан с пустыми руками. Не попалась им в сети ни одна зверушка.

Рассмеялся Вольга:

— Эх вы, охотнички! Возвращайтесь в лес, становитесь к сетям да смотрите, молодцы, в оба.

Ударился Вольга оземь, обернулся серым волком, побежал в леса. Выгнал он зверя из нор, дупел, из валежника, погнал в сети и лисиц, и куниц, и соболей. Он и мелким зверьком не побрезговал, наловил к ужину серых заюшек.

Воротились дружинники с богатой добычей.

Накормил-напоил дружину Вольга, да ещё и обул, одел. Носят дружинники дорогие шубы соболиные, на перемену у них есть и шубы барсовые. Не нахвалятся Вольгой, не налюбуются.

Вот время идёт да идёт, посылает Вольга средних дружинников:

— Наставьте вы силков в лесу на высоких дубах, наловите гусей, лебедей, серых уток.

Рассыпались богатыри по лесу, наставили силков, думали с богатой добычей домой прийти, а не поймали даже серого воробья.

Вернулись они в стан невеселы, ниже плеч буйны головы повесили. От Вольги глаза прячут, отворачиваются.

А Вольга над ними посмеивается:

— Что без добычи вернулись, охотнички? Ну, ладно, будет вам чем попить. Идите к силкам да смотрите зорко.

Ударился Вольга оземь, взлетел белым соколом, поднялся высоко под самое облако, грянул вниз на всякую птицу поднебесную. Бьёт он гусей, лебедей, серых уток: только пух от них летит, словно снегом землю кроет. Кого сам не побил, того в силки загнал.

Воротились богатыри в стан с богатой добычей. Развели костры, напекли дичины, запивают дичину ключевой водой, Вольгу похваляют.

Много ли, мало ли времени прошло, посылает снова Вольга своих дружинников:

— Стройте вы лодки дубовые, вейте невода шелковые, поплавки берите кленовые, выезжайте вы в синее море, ловите сёмгу, белугу, севрюжину.

Ловили дружинники десять дней, а не поймали и мелкого ёршика.

Обернулся Вольга зубастой щукой, нырнул в море, выгнал рыбу из глубоких ям, загнал в невода шелковые. Привезли молодцы полные лодки и сёмги, и белуги, и усатых сомов.

Гуляют дружинники по чистому полю, ведут богатырские игры, стрелы мечут, на конях скачут, силой богатырской меряются...

Вдруг услышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович на Русь войной собирается.

Разгорелось его молодецкое сердце, созвал он дружинников и говорит:

— Полно вам бока пролёживать, полно силу нагуливать, пришла пора послужить родной земле, защитить Русь от Салтана Бекетовича. Кто из вас в турецкий стан проберётся, Салтановы помыслы узнает?

Молчат молодцы, друг за друга прячутся: старший — за среднего, средний — за младшего, а младший и рот закрыл.

Рассердился Вольга:

— Видно, надо мне самому итти!

Обернулся он туром — золотые рога. Первый раз скакнул — версту проскочил, второй раз скакнул — только его и видели.

Доскакал Вольга до турецкого царства, обернулся серым воробышком, сел на окно к царю Салтану и слушает. А Салтан по горнице похаживает, узорчатой плёткой пощёлкивает и говорит своей жене Азвяковне:

— Я задумал итти войной на Русь. Завоюю девять городов, сам сяду князем в Киеве, девять городов раздам девяти сыновьям, тебе подарю соболий шушун.

А царица Азвяковна невесело глядит:

— Ах, царь Салтан, нынче мне плохой сон виделся: будто бился в поле чёрный ворон с белым соколом. Белый сокол чёрного ворона закогтил, перья на ветер выпустил. Белый сокол — это русский богатырь Вольга Всеславьевич, чёрный ворон — ты, Салтан Бекетович. Не ходи ты на Русь. Не взять тебе девяти городов, не княжить в Киеве.

Рассердился царь Салтан, ударил царицу плёткою:

— Не боюсь я русских богатырей, буду я княжить в Киеве.

Тут Вольга слетел вниз воробушкой, обернулся горностаюшкой. У него тело узкое, зубы острые.

Побежал горностай по царскому двору, пробрался в глубокие подвалы царские. Там у луков тугих тетиву пооткусывал, у стрел древки перегрыз, сабли повыщербил, палицы дугой согнул.

Вылез горностай из подвала, обернулся серым волком, побежал на царские конюшни — всех турецких коней загрыз, задушил.

Выбрался Вольга из царского двора, обернулся ясным соколом, полетел в чистое поле к своей дружине, разбудил богатырей:

— Эй, дружина моя храбрая, не время теперь спать, пора вставать! Собирайтесь в поход к Золотой Орде, к Салтану Бекетовичу!

Подошли они к Золотой Орде, а кругом Орды — стена каменная, высокая. Ворота в стене железные, крюки-засовы медные, у ворот караулы бессонные — не перелететь, не перейти, ворот не выломать.

Запечалились богатыри, задумались: «Как одолеть стену высокую, ворота железные?»

Молодой Вольга догадался: обернулся малой мошкой, всех молодцов обернул мурашками, и пролезли мурашки под воротами. А на той стороне стали воинами.

Ударили они на салтанову силу, словно гром с небес. А у турецкого войска сабли затуплены, мечи повыщерблены. Тут турецкое войско на убог пошло.

Прошли русские богатыри по Золотой Орде, всю салтанову силу кончили.

Сам Салтан Бекетович в свой дворец убежал, железные двери закрыл, медные засовы задвинул.

Как ударил в дверь ногой Вольга, все запоры-болты вылетели, железные двери лопнули.

Зашёл в горницу Вольга, ухватил Салтана за руки:

— Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не жечь — не палить русские города, не сидеть князем в Киеве!

Ударил его Вольга о каменный пол и расшиб Салтана до смерти.

— Не хвались, Орда, своей силой, не иди войной на Русь-матушку!

Микүла Белянинович

Ранним утром, ранним солнышком собрался Вольга братъ дани-подати с городов торговых Гурчевца да Ореховца.

Села дружина на добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь, посвистывает, лемехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведёт.

Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать.

Едут молодцы другой день до вечера, также всё пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет.

Третий день идёт к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладёт как рвы глубокие, из земли дубы вывёртывает, камни-валуны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шёлком по плечам рассыпаются.

А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него кленовая, гужи шелковые. Подивился на него Вольга, поклонился учтиво:

— Здравствуй, добрый человек, в поле трудничек!

— Здоров будь, Вольга Всеславьевич. Куда путь держишь?

— Еду в города Гурчевец да Ореховец, собирать с торговых людей дани-подати.

— Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут всё разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился. Окружили меня люди торговые, стали брать с меня подорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелковою плёткою. Ну, который стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит.

Удивился Вольга, поклонился пахарю:

— Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища.

— Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать — других мужиков не обижать.

Снял пахарь с сохи гужи шелковые, распряг кобылку серую, сел на неё верхом и в путь отправился.

Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу:

— Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцов-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с неё вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст.

Послал Вольга трёх дружинников.

Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять.

Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места содрать.

Тут поехал Вольга со всей дружиной. Тридцать человек без единого облепили сошку со всех сторон, понатужились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули.

Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой, из земли её выдернул, из лемешков землю вытряхнул, подхватил, да и махнул за ракитовый куст. Полетела соха до облака, упала соха за ракитовый куст, в сырую землю по рукоятки ушла.

Дело сделали и поехали богатыри дальше путём-дорогою.

Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые: как увидели пахаря, подсекли брёвна дубовые на мосту через речку Ореховец.

Чуть взошла дружина на мост, подломилась брёвна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно итти.

Рассердились Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок, да и начали злодеев чествовать.

Пахарь плетью бьёт, приговаривает:

— Эх вы, жадные люди торговые! Мужики город хлебом кормят, мёдом поят, а вы соли им жалеете!

Вольга палицей жалуёт за дружинников, за богатырских коней.

Стали люди гурчевецкие каяться:

— Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-подати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует.

Взял Вольга с них дани-подати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой.

Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич:

— Ты скажи мне, русский богатырь, как зовут тебя, величают по отчеству?

— Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мой крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют.

Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном...

Ещё заря горит, а у пахаря поле колосом шумит. Тёмная ночь идёт — пахарь хлеб жнёт. Утром вымолотил, к полудню вывезал, к обеду муки намолот, пироги завёл. К вечеру созвал народ на почестей пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать:

— Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын. Звали его Алёша, прозывали по отцу Поповичем.

Алёша Попович грамоте не учился, за книги не садился, а учился с малых лет копьём владеть, из лука стрелять, богатырских коней укрощать. Силой Алёша не большой богатырь, зато дерзостью да хитростью взял. Вот подрос Алёша Попович до шестнадцати лет, и скучно ему стало в отцовском доме.

Стал он просить отца отпустить его в чистое поле, в широкое раздолье, по Руси привольной поездить, до синего моря добраться, в лесах поохотиться.

Отпустил его отец, дал ему коня богатырского, саблю, копьё острое да лук со стрелами. Стал Алёша коня седлать, стал приговаривать:

— Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мёртвым, ни раненым серым волкам на растерзание, чёрным воронам на расклевание, врагам на поругание! Где б мы ни были, домой привези!

Обрядил он своего коня по-княжески. Седло черкасское, подпруга шелковая, узда золочёная.

Позвал Алёша с собой любимого друга Екима Ивановича и поутру в субботу из дому выехал искать себе богатырской славы.

Вот едут верные друзья плечо в плечо, стремя в стремя, по сторонам поглядывают. Никого в степи не видно — ни богатыря, с кем бы силой помериться, ни зверя, чтоб поохотиться. Раскинулась под солнцем русская степь без конца, без края, и шороха в ней не слышать, в небе птицы не видать. Вдруг видит Алёша — лежит на кургане камень, а на камне что-то написано. Говорит Алёша Екиму Ивановичу:

— Ну-ка, Екимушка, прочитай, что на камне написано. Ты хорошо грамотный, а я грамоте не обучен и читать не могу.

Соскочил Еким с коня, стал на камне надпись разбирать.

— Вот, Алёшенька, что на камне написано: правая дорога ведёт к Чернигову, левая дорога — в Киев к князю Владимиру, а прямо дорога — к синему морю, к тихим заводям.

— Куда же нам, Еким, путь держать?

— К синему морю ехать далеко, к Чернигову ехать незачем: там калачницы хорошие. Съешь один калач — другой захочется, съешь другой — на перину завалишься, не сыскать нам там богатырской славы. А поедем мы к князю Владимиру, может, он нас в свою дружину возьмёт.

— Ну, так завернём, Еким, на левый путь.

Завернули молодцы коней и поехали по дороге к Киеву.

Доехали они до берега Сафат-реки, поставили белый шатёр. Алёша с коня соскочил, в шатёр вошёл, лёг на зелёную траву и заснул крепким сном. А Еким коней расседлал, напоил, прогулял, стреножил и в луга пустил, только тогда отдыхать пошёл.

Утром-светом проснулся Алёша, росой умылся, белым полотенцем вытерся, стал кудри расчёсывать.

А Еким вскочил, за конями сходил, попоил их, овсом покормил, заседлал и своего и Алёшиного.

Снова молодцы в путь пустились.

Едут-едут, вдруг видят — среди степи идёт старичок. Нищий странник — калика перехожая.

На нём лапти из семи шелков сплетённые, на нём шуба соболиная, шапка греческая, а в руках дубинка дорожная.

Увидал он молодцов, загородил им путь:

— Ой вы, молодцы удалые, вы не ездите за Сафатреку. Стал там станом злой враг Тугарин, Змея сын. Вышиной он как высокий дуб, меж плечами косая сажень, между глаз можно стрелу положить. У него крылатый конь — как лютый зверь: из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Не езжайте туда, молодцы!

Екимушка на Алёшу поглядывает, а Алёша распалился, разгневался:

— Чтобы я да всякой нечисти дорогу уступил! Не могу я его взять силой, возьму хитростью. Братец мой, дорожный странничек, дай ты мне на время твоё платье, возьми мои богатырские доспехи, помоги мне с Тугарином справиться.

— Ладно, бери, да смотри, чтобы беды не было: он тебя в один глоток проглотить может.

— Ничего, как-нибудь справимся!

Надел Алёша цветное платье и пошёл пешком к Сафатреке. Идёт, на дубинку опирается, прихрамывает...

Увидел его Тугарин Змеевич, закричал так, что дрогнула земля, согнулись высокие дубы, воды из реки выплеснулись. Алёша еле жив стоит, ноги у него подкашиваются.

— Гей, — кричит Тугарин, — гей, странничек, не видал ли ты Алёшу Поповича? Мне бы хотелось его найти, да копьём поколоть, да огнём пожечь.

А Алёша шляпу греческую на лицо натянул, закричал, застонал и отвечает стариковским голосом:

— Ох-ох-ох, не гневись на меня, Тугарин Змеевич! Я от старости оглох, ничего не слышу, что ты мне приказываешь. Подъезжай ко мне поближе, к убогому.

Подъехал Тугарин к Алёше, наклонился с седла, хотел ему в ухо гаркнуть, а Алёша ловок, увёртлив был, — как хватит его дубинкой между глаз, — так Тугарин без памяти на землю пал.

Снял с него Алёша дорогое платье, самоцветами расшитое, не дешёвое платье, ценой в сто тысяч, на себя надел. Самого Тугарина к седлу приторочил и поехал обратно к своим друзьям.

А там Еким Иванович сам не свой, рвётся Алёше помочь, да нельзя в богатырское дело вмешиваться, Алёшиной славе мешать.

Вдруг видит Еким — скачет конь что лютый зверь, на нём в дорогом платье Тугарин сидит.

Разгневался Еким, бросил наотмашь свою палицу в тридцать пудов, прямо в грудь Алёше Поповичу. Свалился Алёша замертво.

А Еким кинжал вытащил, бросился к упавшему, хочет добить Тугарина... И вдруг видит — перед ним Алёша лежит...

Грянулся наземь Еким Иванович, горько расплакался:

— Убил я, убил своего брата названного, дорогого Алёшу Поповича!

Стали он с каликой Алёшу трясти, качать, влили ему в рот питья заморского, растирали травами лечебными. Открыл глаза Алёша, встал на ноги, на ногах стоит-шатается.

Еким Иванович от радости сам не свой.

Снял он с Алёши платье Тугарина, одел его в богатырские доспехи, отдал калике его добро. Посадил Алёшу на коня, сам рядом пошёл: Алёшу поддерживает.

Только у самого Киева Алёша в силу вошёл.

Подъехали они к Киеву в воскресенье, к обеденной поре. Заехали на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и вошли в горницу.

Князь Владимир их ласково встречает:

— Здравствуйте, гости милые, вы откуда ко мне приехали? Как зовут вас по имени, величают по отчеству?

— Я из города Ростова, сын соборного попа Леонтия. А зовут меня Алёшей Поповичем. Ехали мы чистой степью, повстречали Тугарина Змеевича, он теперь у меня в тороках висит.

Обрадовался Владимир-князь:

— Ну и богатырь ты, Алёшенька! Куда хочешь за стол садись: хочешь рядом со мной, хочешь против меня, хочешь рядом с княгинею.

Алёша Попович не раздумывал, сел он рядом с княгинею. А Еким Иванович у печки стал.

Крикнул князь Владимир прислужников:

— Развяжите Тугарина Змеевича, принесите сюда в горницу!

Только Алёша взялся за хлеб, за соль — растворились двери горницы, внесли двенадцать конюхов на золотой доске Тугарина, посадили рядом с князем Владимиром.

Прибежали стольники, принесли жареных гусей, лебедей, принесли ковши мёду сладкого.

А Тугарин неучтиво себя ведёт, невежливо. Ухватил лебёдушку и с костями съел, по ковриге целой за щеку запихивает. Сгрёб пироги сдобные да в рот побросал, за один дух десять ковшей мёду в глотку льёт.

Не успели гости кусочка взять, а уже на столе только косточки.

Нахмурился Алёша Попович и говорит:

— У моего батюшки попа Леонтия была собака старая и жадная. Ухватила она большую кость, да и подавилась. Я её за хвост схватил, под гору метнул, — то же будет от меня Тугарину.

Потемнел Тугарин, как осенняя ночь, выхватил острый кинжал и метнул его в Алёшу Поповича.

Тут бы Алёше и конец пришёл, да вскочил Еким Иванович, на лету кинжал перехватил.

— Братец мой, Алёша Попович, сам изволишь в него нож бросать или мне позволишь?

— И сам не брошу, и тебе не позволю: неучтиво у князя в горнице ссору вести. А перебедаюсь я с ним завтра в чистом поле, и не быть Тугарину живому завтра к вечеру.

Зашумели гости, заспорили, стали заклад держать, всё за Тугарина ставят — и корабли, и товары, и деньги.

За Алёшу ставят только княгиня Апраксия да Еким Иванович.

Встал Алёша из-за стола, поехал с Екимом в свой шатёр на Сафат-реке. Всю ночь Алёша не спит, на небо смотрит, подзывает тучу грозовую, чтоб смочила дождём Тугариновы крылья. Утром-светом прилетел Тугарин, над шатром вьётся, хочет сверху ударить. Да не зря Алёша ночь не спал: налетела туча громовая, грозовая, пролилась дождём, смочила Тугаринову коню могучие крылья. Грянулся конь наземь, по земле поскакал.

А Алёша крепко в седле сидит, острой сабелькой помахивает.

Заревел Тугарин так, что лист с деревьев посыпался:

— Тут тебе, Алёшка, конец: захочу — огнём спалю, захочу — конём потопчу, захочу — копьём заколю!

Подъехал к нему Алёша поближе и говорит:

— Что же ты, Тугарин, обманываешь?! Бились мы с тобой об заклад, что один на один силой померяемся, а теперь за тобой стоит сила несметная!

Оглянулся Тугарин назад, хотел посмотреть, какая сила за ним стоит, а Алёше только того и надобно. Взмахнул острой саблей и отсёк ему голову!

Покатилась голова на землю, как пивной котёл, загудела земля-матушка! Соскочил Алёша, хотел взять голову, да не мог от земли на вершок поднять. Крикнул Алёша Попович зычным голосом:

— Эй вы, верные товарищи, помогите голову Тугарина с земли поднять!

Подъехал Еким Иванович с товарищами, помог Алёше Поповичу голову Тугарина на богатырского коня взвалить.

Как приехали они к Киеву, заехали на княжеский двор, бросили среди двора чудище.

Вышел князь Владимир с княгиней, приглашал Алёшу за княжеский стол, говорил Алёше ласковые слова:

— Живи ты, Алёша, в Киеве, послужи мне, князю Владимиру. Я тебя, Алёша, пожалую.

Остался Алёша в Киеве дружинником.

Так про молодого Алёшу в старину пели, чтобы добрые люди слушали:

*Наш Алёша роду поповского,
Он и храбр и умён, да нравом сварлив.
Он не так силён, как напуском смел.*

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый, никогда он грубого слова не скажет, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошёл он к матери Мамелфе Тимофеевне:

— Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студёной воде искупаться, — истомила меня жара летняя.

Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

— Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездь к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечёт, из второй струйки искры сыплются, из третьей струйки дым столбом валит.

— Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копьё да лук со стрелами, саблю острую да плёточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу, да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой, жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несёт.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге:

— Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, всё оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывёт Добрыня по Пучай-реке, удивляется:

— Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать — вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трёх головах, о семи когтях, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидел Змей Добрыню, громом загремел:

— Эх, старые люди пророчили, что убьёт меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришёл. Захочу теперь — живым сожру, захочу — в своё логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

— Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо, Добрыня плавать умел; он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиного, вскочил на коня да и был таков. И увёз всё оружие Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горючими, жжёт Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег, — нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только жёлтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в неё песку жёлтого ни мало ни много пять пудов, да как ударит шляпой Змея Горыныча — и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить ещё две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

— Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться! Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеёнышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница.

Увидел Змей княжну, обрадовался, кинулся на неё из-под облака, ухватил в свои медные когти и унёс на горы Сорочи некие.

В это время Добрыня слугу нашёл, стал надевать платье дорожное, — вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несёт в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился — запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

— Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чём, мой свет, печалишься?

— Ни об чём не кручинюсь, ни об чём я не печалюсь, а дома мне сидеть не весело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня весёлый пир.

— Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует моё сердце. Мы и дома пир заведём.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошёл в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломаются, стоят бочки мёда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

— Эх, гости мои любимые, невесёлый у нас пир идёт! И княгине горько, и мне нерадостно. Унёс проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит её?!

Куда там! Прячутся гости друг за дружку: большие — за средних, средние — за меньших, а меньшие и рот закрыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алёша Попович.

— Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного брата выпросит.

Рассердился Владимир-князь:

— Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны — прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит — на Добрыне лица нет.

— Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или чарой обнесли, или на худое место посадили?

— Не обидели меня, и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

— А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

— Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унёс.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

— Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать.

Лёг Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетёт всю ночь из семи шелков плёточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

— Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, наполовину в навоз ушла. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет, по колено ноги в навоз ушли. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошёл Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку, привёл ко крыльцу. Стал Бурушку заседлывать. Положил на него потничек, сверху потничка — войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плётку-семихвостку:

— Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конём налети на логово и начни топтать змеёнышей. Будут змеёныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плёткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеёнышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днём, будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горё у змеиноного логова кишмя-кишат змеёныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает.

Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плётку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

— Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеёнышей отряхивай.

От плётки у Бурушки силы прибывло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеёнышей отряхивать. Он их копытом бьёт и зубами рвёт и притоптал всех до единого.

Сошёл Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую — богатырскую палицу и пошёл к змеиным пещерам.

Только шаг ступил, — потемнело небо, гром загремел, — летит Змей Горыныч, в когтях мёртвое тело держит. Из пасти огонь сечёт, из ушей дым валит, медные когти как жар горят...

Увидел Змей Добрынюшку, бросил мёртвое тело наземь, зарычал громким голосом:

— Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детёнышей?

— Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унёс Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

— Не отдам я Забаву Путятишну, я её сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму!

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошёл тут жесткий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плёточку, выхватил её и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плёткой охаживает. Бил, бил его плёткой шелковой, укротил как скотину и отрубил все головы.

Хлынула из Змея чёрная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в чёрной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришёл, вынул плёточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

— Расступись ты, мать сыра земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошёл к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашёл в первую пещеру. А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:

— Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться:

— Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!

А Добрыня дальше идёт, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики, и молодухи, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошёл Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашёл Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил её Добрыня на зелёную траву, накормил, напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилёг.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счёту нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в жёлтую степь, пришпорил коня и повёз Забаву Путятишну к Киеву.

Аполлинарий ВАСНЕЦОВ

Судьбу предсказывает детство. Ах, как надо это понимать! Как слушаться этих предсказаний! Но для взрослых дети — неразумные.

Аполлинарий Васнецов маленьким мальчиком мелом и углём покрыл рисунками тёсаные брёвна жилого мезонина.

На рисунках неведомые миру селения, с церквями, с теремами, с домишками. За дощатыми заборами сады, могучие деревья.

Мел и уголь у художника, выругав, отобрали. Тогда он принялся рисовать мылом.

Детское упрямое безобразничанье? Но вершиной творчества

Н. Д. Кузнецов. Портрет Аполлинария Михайловича Васнецова. 1897 г.

Аполлинария Михайловича Васнецова стали древние русские города среди лесов, на земле загадочных вятичей, сшившиеся ему ночами.

Академик Петербургской Академии художеств, руководитель Московского училища живописи, ваяния и зодчества имел за плечами всего лишь начальное образование. И художествам учился не в академиях. Правду сказать, учителя у него были великие.

Первый наставник и, что главное для отрочества, пример — брат Виктор. Глазами Виктора Васнецова Россия увидела равноапостольных княгиню Ольгу и

Московский Кремль при Иване III. 1921 г.

Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII века. 1922 г.

Зимний сон. 1908–1914 гг.

Гонцы. Ранним утром в Кремле. 1923 г.

Всехсвятский каменный мост. Конец XVII века. 1901 г.

князя Владимира, узнала трёх богатырей.

Уроки рисования ученику духовного училища давал Эльви́ро Андриолли — знаменитый польский художник, отбывавший вятскую ссылку.

Поселившись у брата Виктора в Петербурге, младший Васнецов только и делал, что ходил по гостям. К художнику К. В. Лемоху на «вторники», рисовать. К Менделееву на «среды». К творцу Таблицы элементов сходились светочи русской науки и русской живописи. «Четверги» Аполлинарий проводил у Н. Н. Ге или у И. Н. Крамского. «Субботы» — у Н. А. Ярошенко.

У Репина, в его огромной мастерской возле Калинкина моста, вместе с мастерами рисовал натурщиков, а на Малом проспекте Васильевского острова бывал среди друзей А. И. Куинджи.

Все эти люди и есть Третьяковская галерея.

Но, может быть, самые значительные уроки Аполлинарий Васнецов получил в Москве. Поселившись у брата на Остоженке, ходил на Кремль смотреть, на Василия Блаженного — чудо русское.

Летом братья дачу снимали в Ахтырке, но дни и ночи проводили у Саввы Мамонтова, в Абрамцеве. Сокровенное место русского духа. Здесь жил Аксаков с сыновьями, здесь любили бывать Гоголь, Щепкин, Тургенев, Шаляпин. Но здесь ещё сама собой образовалась школа великого русского искусства. В этой школе учениками и учителями были Антокольский, Репин, Поленов, Врубель, Коровин, Нестеров, Остроухов, здесь с отроческих лет жил и здесь написал «Девочку с персиками» Валентин Серов. Здесь Виктору Васнецову явилась на полотне «Богородица» для Владимирского собора, здесь им создан «Каменный век» для Исторического музея, здесь ху-

Семиверхая угловая башня Белого города в XVIII веке. 1924 г.

дожник писал лошадь Саввы Мамонтова, на которую сядет Илья Муромец, а Алёшу Поповича старший Васнецов разглядел в Андрее, сыне Мамонтова. Здесь и «Алёнушка» нашлась.

Для Аполлинария Абрамцево — это обретение самого себя. Он писал здесь этюды, выслушивая похвалы и советы. Но вот что такое хорошие учителя. Уже через год после лета в Абрамцеве картину Аполлинария Васнецова «Серенький день» купил с выставки передвижников Павел Михайлович Третьяков.

Самое счастливое племя среди художников — пейзажисты. Огромные картины пишут в столичных мастерских, портретисты тоже люди подневольные. Их «модели»: царственные особы, полководцы, герои, знаменитости художественного и литературного мира — жители столиц.

Пейзажисты за Божьей красотой ездят по родной земле, а то и по всему белому свету. Сколько уже погублено первородной Божьей красоты!

Вятские могучие леса остались только на картинах Аполлинария Васнецова. Он изумился и оставил нам своё изумление Крымом, Украиной, Уралом, оренбургской степью, сибирской тайгой. На его полотнах великолепие Кавказа,

он писал Рим, Везувий и Помпею, Флоренцию, Венецию, Париж, но осел в своём искусстве в старой Москве. Нашёл в ней тот самый дом, который искала на просторах России и в иных странах его душа.

Сначала это была работа археолога-реставратора. Восстановить Кремль Ивана Калиты, Дмитрия Донского, Ивана III, Лубяной торг на Трубе, речку Неглинную — среди громады Белого города, Никольскую улицу, с башнями, с церквями, с теремами.

Но над знанием у художника торжествует Образ. И чудо!

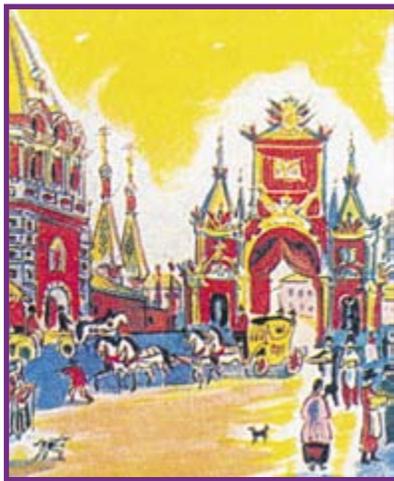
«Старая Москва» Аполлинария Васнецова — воскресшее диво навсегда утерянного былого. Утраченного народом. Россией. Миром.

Сказания Васнецова заполнены множеством мелочей жизни, но всё это сливается в единое целое, в торжество образа. Поглядишь на его старую Москву, и сердце задохнётся красотой и невосполнимой утратой. Вот он, истинный град Китеж!

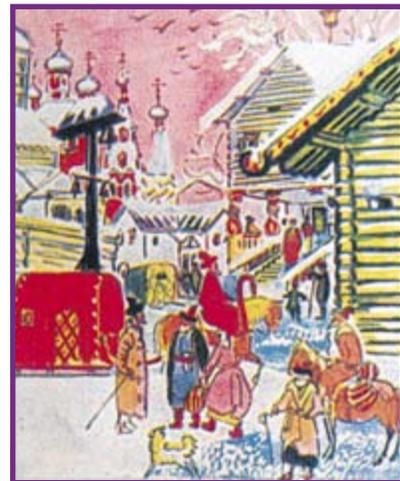
Мощённая досками улица взмывает круто между лавчонками, сошедшимися тесно, как на праздник. Изукрашенные резьбой терема, и сама улица, и всё, что на ней, устремлены к храму, над которым купол и московские серебряные звоны.

МОСКОВСКИЙ манер

Ольга Жукова

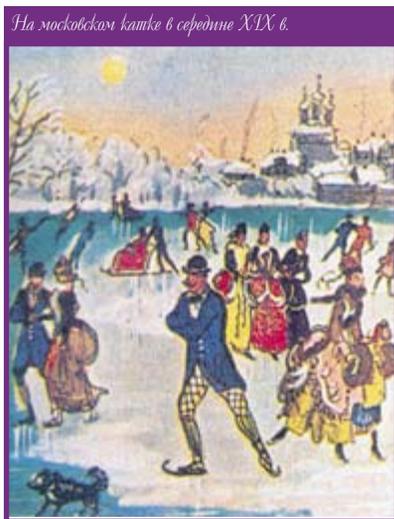
Шверская улица и Штурмфальные ворота XVIII в.

Московская улица в XVIII в.

«Что город, то норы, что деревня, то обычай» — издавна бытует в народе эта мудрая поговорка. И вправду, в разных концах необъятной нашей России по-разному строили дома, разбивали сады, украшали быт, делали утварь и инструмент, шили одежду, рукодельничали, готовили разные блюда и даже пели по-разному, а какими-то из всех известных ремёсел владели лучше, чем в иных местах.

Своеобычай, особина — этими почти забытыми исконно русскими словами гордо именовали в старину то, что сейчас принято называть особенностями менталитета, национального характера...

На московском кашке в середине XIX в.

Сегодня нам остаётся лишь удивляться, почему, например, в Рязани «пирог с глазами» — их едят, а они глядят, и чем «тамбовский волк» и «брянская коза» отличаются от своих соплеменников из других губерний, уездов, волостей.

А что уж говорить о московских особенностях, о столичной манере говорить, петь, есть, одеваться — словом, жить... Множество пословиц, поговорок, загадок, песен сложили наши предки о Москве и москвичах. Одни из них явно пришли на ум самым московским жителям, другие придуманы гостями города, съезжавшимися в Москву со всех концов России.

В копилке народной мудрости есть много выражений, отражающих особенности московской жизни, быта, привычек москвичей. Начнём, пожалуй, с пословиц, которые Москву славят: «Москва всем городам мать», «В Москве всё найдёшь, кроме птичьего молока», «Все дороги ведут в Москву», «Из Москвы, как с большой горы, всё видно», «Кто в Москве не бывал, красоты не видал»...

Влихую годину войны с Наполеоном родились в народе новые пословицы о Москве. Вот, например, о вражьем предводителе, наведшем ужас на всю Европу и даже успевшем войной на Египет сходить, так говорили: «Был Наполеон, а в Москве опалён».

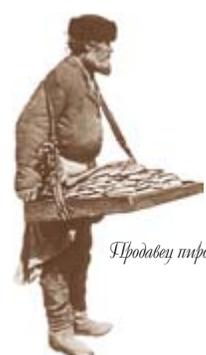
А ещё говорили русские солдаты, что «за Москву-мать не страшно и умирать». И каждый россиянин, любя свой родной город, свою малую родину, не без гордости говорил: «Наш городок — Москвы уголок». Случалось русским людям приезжать в Москву по делам приятным — за покупками ли какими или просто на великий город полюбоваться, «хлеба-соли покушать, красного звону матушки-Москвы послушать». Видно, потому и родилось присловье: «Еду в Москву разгонять тоску». Но гораздо чаще приезжали в Москву люди в надежде заработать денег. Они-то тогда так говорили: «В Москву идти — только деньги добыть». А уезжая, всё же добавляли гости: «Хороша Москва, да не дома», потому как «Москва — царство, а деревня — рай».

Шортовка
платками

Галантереешник

Продавец пирогов

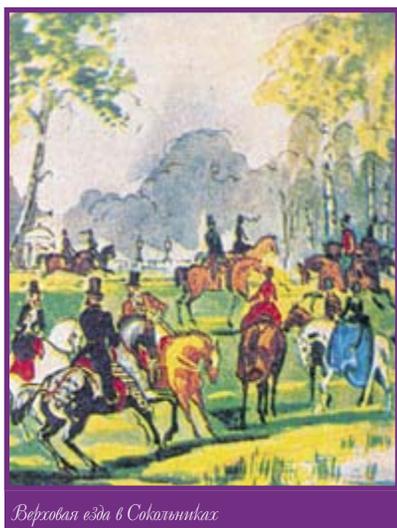
На все времена

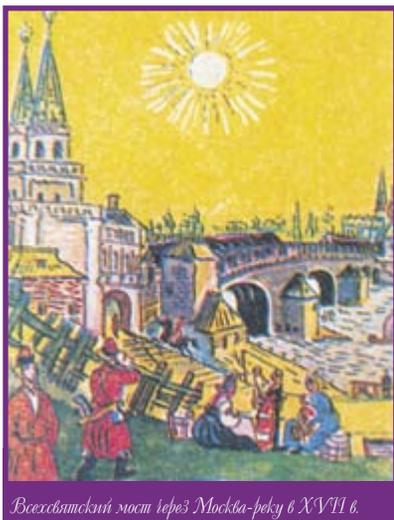
ЛИЦЕЙ

Много чего удивительного замечали в Москве приезжие: «Москва — горбатая старушка» — город-то древний да на семи холмах-горбах раскинулся. А ещё говорили: «Славится Москва невестами, колоколами да калачами». Замечали: «Москва людна и хлебна». Удивлялись: «В Москве каждый день праздник» — церквей-то много, а оттого и «у Спаса бьют, у Николы звонят, у старого Егорья часы говорят» — это тоже о московских церквях.

Да не только хорошее, славное, чудесное приезжие в Москве примечали. Вот ещё говорили: «Москва стоит на болоте, хлеб в ней не молотят, а больше деревенского едят. — И добавляли: — В

Москве недороду хлеба не бывает». Это значит, что даже в неурожайный год в Москве не очень-то голод-

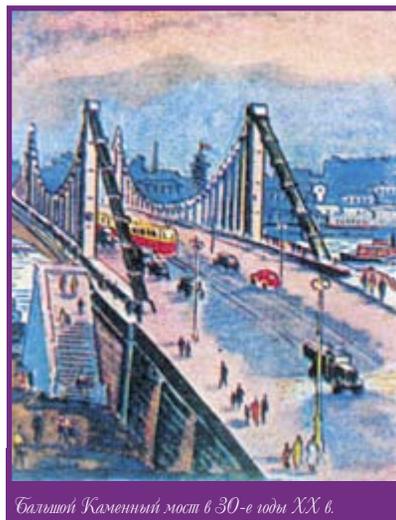

Всесвятский мост через Москва-реку в XVII в.

но — в крайнем случае доставят хлеб заморские купцы.

Иногда замечали гости за московскими жителями и некоторую скупость. Тогда говорили: «В Москве толсто звонят, да тонко едят». Иной раз и подтрунивали приезжие над коренными москвичами, говоря, например: «Ой, москвичи — они и рака со звоном встречали». А над московским «акающим» говором так посмеивались: «Он сам-то с МАСквы, с пАсада, с АВАЩного ряда»...

Очень часто приезжали люди в Москву по делам серьёзным — жалобу или прошение какое-нибудь подать. Вот тогда-то больше всего на московских чиновников обижались и с горечью говорили: «Москва ни по чём не плачет» или «Москва слезам не верит». Или совсем уж отчаянное: «Ой, Москва! Она бьёт с носка».

Большой Каменный мост в 30-е годы XX в.

А вспоминая «долгий ящик», добавляли: «Московский час — подожди». Тот, кто не только в Москве, но и в другой столице — в Петербурге — побывал, тот уж мог два великих города сравнить: «Питер — голова, Москва — сердце», «Москва создана веками, Питер — миллионами», «Славится Москва калачами, Петербург — усачами», «Питер женится, Москва за него замуж идёт».

И всё же самая знаменитая поговорка о Москве гласит: «Москва не сразу строилась». Обычно так говорят, когда хотят приободрить человека в его начинании, объяснить, что даже такой огромный город, как Москва, когда-то был скромным поселением. Так и любое большое дело начинается — с малого. Но нам-то с тобой в той поговорке важно заметить ещё одну московскую особенность — строилась она веками, и каждое время на её архитектурный облик свой отпечаток отложило, вот потому-то в ней так много чудес, созданных разными мастерами, в разные столетия, вот потому-то и столь разнообразны московские стили, но не спорят друг с другом, а сливаются в единую чудесную симфонию форм, красок, красоты...

Фея Сиреневый Глаз

Кто-нибудь слышал, как падает рас-светный луч в маленькую хрустальную вазу, украшающую туалетный столик? Эту тонкую солнечную ноту «Ля». Может быть, только маленькому мальчику Гане, который родился композитором, удалось своим особенным музыкальным слухом воспроизвести неуловимое. Нотный ключ открывал для него доступ ко всему таинственному, чудесному, сказочному.

Однажды, широко распахнув окна в сад, мальчик наблюдал за жизнью цветов. Вдруг его внимание привлекла пёстрая, очень большая бабочка, с необычным рисунком крыльев, напоминавшим сиреневые глаза. Она присела на стройный тюльпан. И тюльпан и бабочка стали одним целым: это обрела жизнь Фея Сиреневый

Глаз. Словно нехотя, распустились над головой её руки в медленном мелодичном танце — и, отягощенные изображением бурного цветения, опустились вниз. Потом танцевальные движения феи слились в гармоничный рисунок непосредственного чувства. Это был танец звуков, и мальчик-композитор страстно внимал таинственному ритму. В сердце Гани зарождалась музыка — и он сел к роялю. Создалась музыкальная композиция, а клавишный ряд стал чертой, за которой начинался волшебный мир фей.

Ганя играл настолько самозабвенно, что бабочка в саду сама не заметила, как отделилась от тюльпана и впорхнула в широко раскрытые окна, розовые от музыкальных волн. Она увидела маленький столик и присела на вершину хрупкой ва-

зы. Бабочка напоминала экзотический цветок. От лёгкого движения её крыльев по стенам заскользили золотистые полоски света — и Ганя обернулся. Он протянул правую руку к волшебнице-бабочке, и она, мягко взмахивая узорчатыми крыльями, села на указательный палец мальчика. Ганя встал и направил руку с бабочкой ближе к свету. Он увидел в рисунке узора не только сиреневые глаза, но и преображённый мир: крошечную радугу, свернувшуюся кольцом, цветочек-звёздочку, и даже божью коровку в облаке. Вдруг крылья мигнули — и бабочка с сиреневыми глазами упорхнула от окна в глубину сада. Она опять присела на любимый тюльпан и слилась с ним в одно целое. Фея и тюльпан превратились в лёгкую, неподвластную созерцательному анализу, танцовщицу.

Ночью Ганя долго не мог уснуть и подошёл к окну, чтобы посмотреть, спит или не спит волшебница. Нет, она не спала: мелодичным рисунком плавного танца очерчивала свою лунную фантазию, и спящие цветы кивали головами во сне. До самого утра мальчик восхищённо наблюдал танец феи-цветка. Таким образом,

жизнь композитора стала сказочной: утром и вечером он созерцал самое удивительное создание природы — Фею Сиреневый Глаз. Но не только добрые глаза мальчика следили за восхитительной феей. Также за ней наблюдали из маленького чердачного оконца тёмные отпугивающие глаза злой старухи Тоски. Убежищем Тоски был чердак, на который трудно и боязно подниматься по скрипучей, жалобно стенающей лестнице. На маленьком сломанном столике лежала толстенная-претолстенная книга Тоски, в которую она записывала несбывшиеся надежды людей, живущих в доме Гани и их предков. Тоске очень докучало прелестное видение утончённой танцовщицы-феи, наполняющей благоуханием сад, и она начинала забывать саму себя, когда вслушивалась в сотканную из нежного чувства музыку Гани, ведь она утверждала возможность любви и счастья на земле. Очень хотелось Тоске разрушить это очарование, мешающее ей спокойно жить. Однажды наступила очень светлая лунная ночь. Ганя стоял у распахнутого окна и любовался феей-танцовщицей. Вдруг он увидел, как громоздкая неуклюжая тень

приблизилась к милому сердцу цветку, и чёрная, словно вымазанная сажей рука так сильно и больно выдернула цветок из сиреневого облачка, что посыпались искры. Тоска спрятала цветок в свои многочисленные чёрные одежды и скрылась в кустах. Ганя побледнел от ужаса и неожиданности. Медленно поплыли перед его глазами разноцветные огоньки — и он потерял сознание. Очнувшись утром, маль-

лощалась в изящного крохотного мальчика, с призрачными крыльями. Вместе с бабочками он вылетел в окно и в затаенном прыжке стал спускаться на землю. Едва мальчик коснулся земли, его слух и зрение обострились. Он стал различать знаки, посланные ему как будто свыше. Вот цветок, казалось бы увядший, вдруг распрямился и мелодично засветился. Ганя подошёл к нему и тут же уви-

чик вскочил. Подбежал к окну, но, увы, желанного сердцу тюльпана уже не было на месте. Мальчику хотелось кинуться в сад и непременно найти исчезнувшее сокровище. Но ему пришлось сесть к роялю, чтобы не забылась, не улетучилась, как сон, мелодия, посвящённая фее-бабочке. Из раскрытого окна к мальчику прилетело множество великолепных бабочек, желающих видеть свою исчезнувшую подругу. Они садились на голову, шею, грудь, руки мальчика. Их крылья, с затейливыми рисунками, сочно переливались сине-зелёными, коричнево-оранжевыми и серебристо-лазоревыми красками. Бабочки благоухали — их становилось всё больше. Вдруг Ганя почувствовал, что он становится каким-то невесомым. Но это не было ощущением пустоты, наоборот, его душу наполнили восторг и ликование. Ганя стал уменьшаться в размерах. Его человеческая сущность перевоп-

дел другой знак. Это был мотылёк, лихо вращающийся в воздухе и издающий трогательные звуки. И Ганя опять узнал свою мелодию — эту искрящуюся вуаль танца феи. Ганя пошёл по пути, указанному ему таинственными движениями цветов, мотыльков, жуков и божьих коровок. Только поздним вечером вышел мальчик к небольшому озеру. В озере отражалась полная, отрешённая, как будто затонувшая, луна. Вокруг этого отражения высились камыши, темнели лилии. А в центральной части озера сияла, как зажжённый хрустальный светильник, белым, ровным, благоухающим светом какая-то особенная лилия, будто взятая с неба. Крошечному Гане, со своими крылышками эльфа, ничего не стоило с берега перепорхнуть в глубину светящейся лилии, чтобы остаться там заночевать. Разбуженные неожиданным движением воздуха, ночные мотыльки стали медлен-

но кружить, отыскивая незваного гостя. Но они не догадались заглянуть в лучезарную кувшинку, ибо думали, что незнакомец спрячется в темноте.

Утром Ганя спокойно перелетел на берег, где находился маленький домик добряка гнома. Дом этот скрывался под корнями могучего дуба, которые приподнимались так, словно дуб стоял на цыпочках. Ганя заметил этот домик, потому что на его двери крупными буквами было написано: ГНОМ. На выступающей из двери ветке висел маленький колокольчик. Ганя слегка дотронулся до него — и послышалось переливчатое пение птицы. Двери открылись — и маленький человечек снял перед гостем шляпу, похожую на шляпку гриба. Гном очень любил свою крошечную квартиру и с удовольствием пригласил мальчика с крылышками в комнату. Первое, что увидел Ганя внутри домика, были настенные часы. Часы эти имели и земное, и космическое время. Земное время показывали стрелки, движущиеся по циферблату, а космическое — месяц и звёзды. Их движение за толстым стеклом казалось каким-то фантастическим. В воздухе витал непревзойдённый аромат цветов, мёда и липы. На столе, в большой яркой кружке, дымился волшебный чай с целебными травами, на широком блюде высились только что выпеченные разнообразные изделия с мёдом и вареньем. Гном пригласил гостя к столу. Попив чаю, Ганя почувствовал вдруг, что все его самые заветные мечты сбудутся, и, где бы она ни была, отыщет он Фею Сиреневый Глаз и спасёт её. Гном зачарованно слушал рассказ Гани о пропавшей танцовщице. На прощание он дал мальчику зелёный поясик. Когда он завязывался, два его конца свисали впереди, и стоило только правый отвести в сторону, как ноги сами поворачивались в нужном направлении. И вскоре обладатель волшебного пояса находил желанное.

Ганя, поблагодарив гнома, надел на себя волшебный пояс и отправился в путь. Он то шёл, то летел и правой рукой постоянно отводил кончик пояса в сторону. Вскоре Ганя заметил, что тени деревьев стали мрачнее, лес глуше. Съедобные грибы куда-то исчезли, на пути всё чаще стали появляться поганки да мухоморы. Пригляделся Ганя к окружающему миру — и увидел: птичье гнездо лежит под огромным дубом, птенчики из него выглядывают, пищат, голодные, перепуган-

ные. Птица-мать над ними слезами заливается. Ганя остановился и спросил с состраданием: «Что случилось?» И птаха пожаловалась на злую старуху Тоску, которая иногда приходит к этому дубу полакомиться желудями. Устраивается поудобнее в дупле и наклоняет к себе ветки дерева. Поэтому и сорвалось их гнездо с одной из веток. Ганя поднял голову. Над ним, глубокое, как пещера, чернело дупло. Тоски там сейчас не было. Ганя взял птичье гнездо в руки, вскарабкался по веткам наверх и возвратил его на прежнее место. Многочисленные вороны смотрели

на Ганю сверху, наклонив головы, не каркая. И тут мальчик заметил, что из глубины дупла исходит радужное сияние, как будто некто необыкновенный глубоко дышит во сне. Мальчик догадался, что в этом дупле спрятана Фея Сиреневый Глаз. Маленький композитор чуть было не прыгнул в чёрную пропасть, но вовремя одумался и машинально огляделся по сторонам. Вдруг он заметил на одной из веток небольшого деревца чудесную птаху. В хвосте у неё ярко выделялись три пера: золотое, серебряное и изумрудное. «Вот уж истинная волшебница», — подумал Ганя и окликнул птаху лёгким свистом. Птичка, наклоняя голову то вправо, то влево, стала с любопытством разглядывать мальчика. Он пересел на толстую ветку под дуплом и, создавая губами необычно мелодичные звуки, протянул вытянутую руку вверх, а ладонь сделал лодочкой. Умная птаха кивнула головой, словно в знак согласия, и через мгновение засияла на ладони. Мальчик на птичьем языке попросил её вызволить Фею Сиреневый Глаз из темницы. Птаха влетела в дупло — и там совсем посветлело. Вскоре цветок, частью которого стала бабочка Сиреневый Глаз, уже лежал на ладони маленького композитора. Цветок дышал — вокруг него теплилось радужное сияние. Мальчик осторожно слез с дерева и, прикрывая Фею волшебным поясом, поспешил обратно. Он не заглянул к гному попить чай. Ни разу не остановился, только однажды чуть было не укололся об покрытого листьями ежа.

Лесные жители часто занимались портняжным делом: кто валенки подшивал, кто бантик приспособлял к воротничку, кто вышивал луговые цветы. После работы они втыкали иголки в одно и то же место, покрытое мхом, — и из них получился ёж. Он появился внезапно и по сей день не меняет своего ежового облика.

— Здравствуйте, Ёж, — кивнул ему Ганя, — извините, что задел.

— Ничего, — ответил ёжик, — только сверни сейчас направо, подальше от беды; чувствую я, что надвигается темнота, не идёт ли Тоска?

Мальчик поблагодари ежа — и свернул направо. Он, обогнув берёзовый лесок, поспешил к своему дому.

Тоска шла прихрамывая своей дорогой, не подозревая об исчезновении Феи Сиреневый Глаз. Вороны, облепившие дуб с

большим дуплом, чёрной тучей нависли над её головой и каркали о пропаже. Тоска сама превратилась в большую ворону, уселась на краю дупла, заглядывая в чёрную пустоту: «Кар! Кар!» — никого.

Маленькая птичка, с тремя сияющими пёрышками, золотым, серебряным и изумрудным, — внезапно подлетела к злой вороне сзади и стала выдирать у неё хвост. Бесхвостая ворона замертво упала в дупло — и оно стало ещё более чёрным и злое. А лес словно ожил, очнувшись от плена. Звенели голоса птиц, порхали бабочки и стрекозы, даже ветки деревьев бурно выражали свою радость.

В это время Ганя, держа трепетный цветок, влетел в свой любимый сад. Фея слегка шевельнулась в руке мальчика. Он поднёс её к тому месту, где она всегда так легко и грациозно танцевала, — и Фея Сиреневый Глаз гибко встала в свою прежнюю позу танцовщицы, чтобы исполнить самый жизнеутверждающий танец на свете. А Ганя обрёл свой прежний облик маленького мальчика.

Тут и сказке конец.

Жлопайное ДЕЛО

Олег Трушин

ЖИВОЙ УГОЛОК

Отправился я как-то раз поохотиться на рябчиков. Стоял погожий осенний денёк. В самой поре была золотая осень. После крепких утренних заморозков подвядшую листву к земле потянуло. Пройдётся ветерок по кронам, и заговорят берёзовые рощи шорохом листопада, разметая золото осени во все стороны, кружа в вихре листочками, устилая ими прихваченную крепкими утренниками землю.

В летнюю пору помотришь на лес — всё в одном тоне. А вот осень каждое дерево и каждую былинку-травинку по-особому раскрашивает, словно напоказ выставляет.

Первым в осеннем лесу осинный лист перемену

чувствует. Осины в пору осеннего листопада самые приметные в лесу. Принарядились так, что и взгляд трудно оторвать. Где крона малиновая, а где осинки с берёзами спорят — чистое золото на себя набросили. Есть и такие, что словно зорьку на себя примерили — яркий багрянец до самой маковки.

На рябинах ожерелье из рубиновых ягодных кистей тянет вниз ветви, словно осени кланяются стройные деревца. Да и листва на рябинах вся в разноцветных тонах — чем моложе деревце, тем ярче на нём в цвете лист.

Да что берёзовые рощи с осинниками! Вон и вечно зелёные сосны с ёлками в особой красе. Хоть цвет

хвои не такой яркий, что весной, так хвойные в эту пору другим берут! Те, что выросли в «обнимку» с берёзами-осинами, разноцветной листвой обсыпаны. Мох, что прижился на стволах и ветвях, где посветлел, а где, наоборот, «насупился», забурел, нагнав мрачность. В борах будто бы самотканые дорожки раскинулись из мха молочного, красного, оливкового цветов, а где и вовсе таких красок, что словами не передать. Видеть надо!

Зардели медью на болотах багульниковые заросли. На клюквенниках крепкая ягода поспекает — самый поздний подарок осени.

Ещё полны ягод брусничники, да и на черничнике ещё вполне можно найти

И. И. Шишкин. Осенний лес. 1876 г.

добрые кустики, обсыпанные спелой сизой ягодкой.

Как в такую пору свадьбы не играть! Вот и выбрали рябчики золотую осень для создания пар. И чем шибче листопад, тем активнее рябчики в поиске спутника.

...Мой путь лежал к старой заброшенной вырубке, где давным-давно похозяйничали лесорубы. Лес тогда взяли, а взамен молодой не высадили. Вот и заросла дружно вырубка лесным сором. Сперва иван-чай на себе пустила — малиновым заревом загоралась вырубка на исходе лета.

С одного края вырубки лесная речушка вьётся, а за ней выстроился борок из молодых сосен. Любят такие места рябчики. Спугнёшь выводок — разлетятся в горячке рябчата кто куда, спрячутся от непрошеного возмутителя спокойствия. Посидят с минутку-другую в тишине и давай друг дружку искать. И вот слышишь: «Ти-ти-у» — льётся мелодичный посвист молодого рябца. И ему в ответ: «Ти-у-ти» — это уже мать-рябчиха беспокоится, своих несмышлёнышей подзывает. Кто-то из рябчат на крыле подлетит, а кто и лапками воспользуется — пешком подбежит.

Шагаю я по тропке да посвистываю в манок. А рябчики в ответ мне отзы-

ваются. И слышно, как крылышками похлопывают, перелетая с места на место. Знать, заинтересовались моей песенкой.

Вдруг примечаю какое-то копошение на самой бровке. Остановился. Плотный черничник, что успел вырасти прямо на бровке, надёжно скрывает незнакомца, до которого от меня не больше двух десятков метров.

Белка! Выдал пушистый хвост! Пара-тройка пробежек-прыжков, и вновь на одном месте копошится, словно что-то во мху ищет. Явно вся в заботе. Но что делает — никак понять не могу.

Все глаза высмотрел, наблюдая за зверьком. Поближе бы подойти, да нельзя, сразу спугнёшь.

Но белка вскоре сама, заметив меня, взметнулась на дерево. Волнующе зацокала, подёргивая пушистым хвостом, засуетилась в ветвях. «Цок, цок», — а сама всё с меня глаз не спускает.

Смотрю на белочку и никак не пойму, что такое с белкиной мордочкой? С боку глянешь, вроде всё нормально — зверёк, как зверёк, а вот в профиль неразбериха какая-то — только одни уши и видны.

Разгадка пришла в тот момент, когда белочка чуть ниже спустилась. Рот зверька под самую завязку был набит мхом, да так, что мшанина торчала в разные стороны. Оттого-то и внешность зверька была соответствующая.

«Это же надо было столько мха надрать!» — подумал я, глядя на белку. «Словно план какой выполняет!»

Разволновалась белка не на шутку, глядя на мою настырность. Пуще прежнего

раскокалась, то ли прогнать меня хочет, то ли на своём беличьём языке на меня ругается. На соседнее деревце перепрыгнула. Заскочила на длинный сук, пробежала на самый край и оттуда на меня поглядывает.

Постоял я ещё с минутку-другую и пошёл восвояси. Нечего более зверька от домашних хлопот отвлекать. Да, да! Именно от домашних! Мягкий сухой мох белочке нужен не иначе, как своё зимнее убежище утеплять. Может быть, присмотрела где просторное дупло в сушине или сама «руководничала» — смастерила из елового сухого лапника шар-гайно. Вот теперь и утепляет. И чем больше белка мха нащиплет, тем теплее в её зимней «избёнке» будет. Хлопотное это дело — избу к зиме готовить!

Из глубины леса просвистел рябчик, вернув меня к предмету моего похода. Утро уже давненько перевалило за свою половину. Ещё немного, и полдень.

Отойдя от того места, где встретился с белкой, я обернулся назад, словно в надежде вновь увидеть хлопотливого зверька. Но белки не было. Лишь стайка хохлатых синиц, налетевшая из глубины леса, шебуршилась в кронах придорожных сосенок, что хранили тайну моей утренней встречи.

Журавлиная стая

Журавль-вожак состарился:

— Пора тебе пойти на отдых, — сказал ему молодой журавль. — Первым лететь буду я, а ты пристраивайся в конце стаи, там ветра меньше и тебя не сдует.

И стая поднялась к облакам во главе с новым вожаком, а старый журавль был самым последним в птичьем клине.

Они летели, радостно курлыча. Много дней придётся им лететь в тёплую страну. Надо силы беречь. Все должны быть здоровы.

Старый журавль по привычке внимательно поглядывал на родную стаю и вдруг заволновался. Он почувствовал: если дальше лететь, им несдобровать, гроза и ветер на них надвигается. Видно, вожак ничего не замечает. И старый журавль решил сам скомандовать стаю и поднял тревожный крик. Устремился к земле, показывая, что туда надо всем лететь. Журавли услышали знакомый зов и ринулись за старым журавлём. Он сел, и все журавли сплотились вокруг него. Тут ветер их настиг,

загудел. Тучи нависли, грянул гром. Хлынул дождь. Ветер старался сдуть кого-нибудь. Но журавли крепко держали друг друга, и он ни с чем убрался. Скоро погода успокоилась.

Вожак подошёл к старому журавлю и сказал:

— Если бы не ты, ветер нас вместе с тучами раскидал бы. Многих бы из стаи мы недосчитались. Лети первый, а я за тобой, Мне надо кое-чему у тебя научиться.

И стая поднялась, закурлыкала.

Все, кто видел их с земли, говорили:

— Какая дружная стая журавлей!

Настойчивый Черепашка

Маленький Черепашка проснулся и вспомнил: «У мамы сегодня день рождения!» — и он тихонько, чтобы мама не услышала, выполз из домика. Солнце уже выглянуло из-за горизонта и осветило лес, полянку и холмик, на котором рос красивый цветочек. Черепашка его раньше заметил, но холм был для него большой горой, на которую он не решился взобраться.

— У мамы день рождения, и я непременно должен достать цветочек, — решил он и полез на холм. Черепашка то и дело сползал с него, но потихоньку, не спеша, поднимался всё выше и выше.

Солнце взошло и висело над деревьями, когда он добрался до заветной вершины.

Цветок и правда был очень красив, его бархатистые ле-

пестки переливались от розового до красного цвета, и запах от него разносился по всему холму.

Черепашка отдохнул немного, ухватил ртом стебелёк с цветком и зелёными листочками и стал спускаться. Но это оказалось еще труднее, чем подниматься. Он боялся, как бы не сорваться вниз и лапками до боли придержи-

вал себя и не забывал оберегать цветочек.

— Я принесу его обязательно маме, — настойчиво твердил он.

Тут солнце за деревьями спряталось, стало темно. Черепашка обо что-то споткнулся и кубарем скатился с холма. Цветочек сломался и куда-то улетел. Один прутик с листочком остался. Черепашка готов был расплакаться. Тут его увидела мама.

— Сынок! — взволнованно сказала она. — Я тебя весь день ищу.

— Мама, — грустно отвечает Черепашка, — я тебе красивый цветочек нес, хотел подарить на день рождения, а он сломался.

— Да у тебя прутик с листочком чудесной красоты, — восхитилась мама, — спасибо тебе, сынок, это для меня самый дорогой подарок!

Черепашка был счастлив.

ВРАТА

КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Чудные ворота, именуемые от надвратной иконы Воскресения Христова Воскресенскими, а от чудотворной иконы Иверской Божией Матери в часовне ворот — Иверскими, — это вход на Красную площадь, главную площадь нашей Родины.

Еще со времен существования московского Китай-города они служили входом с Тверской улицы в так называемый «Город», где Гостиный двор (нынешние торговые ряды ЦУМа) кипел торговой и купеческой жизнью. Ворота эти были снесены в 1934 году — и только сегодня восстановлены. Сейчас они восхищают нас своей декоративной красотой, а между тем еще до недавнего времени сохраняли они все признаки оборонного рубежного укрепления. Вот воспоминания человека, описывавшего еще не разрушенные ворота в 1909 году: «Ворота сии складены из тяжеловесного кирпича, с железными связями и крепежами; в толстых стенах у обоих проездов еще уцелели пробои от двойных во-

рот, а в арках прорези для опускных решеток, коими запирались сии проезды. Под зубцами воротных стен ещё уцелели осадные стоки, через кои осаждённые лили в неприятеля кипяток, растопленную смолу, серу и свинец. В двух палатках и в двух над ними осьмигранных башнях прежде помещались огнестрельные

орудия, или так называемый «огненный бой»; стояли пушкари и стрельцы на случай нападения врагов и осады».

Посмотрите на иллюстрацию и представьте себе, как стояли защитники города на их стенах.

Бесценное украшение Иверских ворот составляет Божественный

лик святейшей «Вратарницы» — иконы Иверской Божией Матери, одной из наиболее чтимых и любимых святых Москвы и России.

Сам подлинник чудотворной иконы много веков хранится в Иверском монастыре Святой Горы Афон — земном уделе Пресвятой Богородицы.

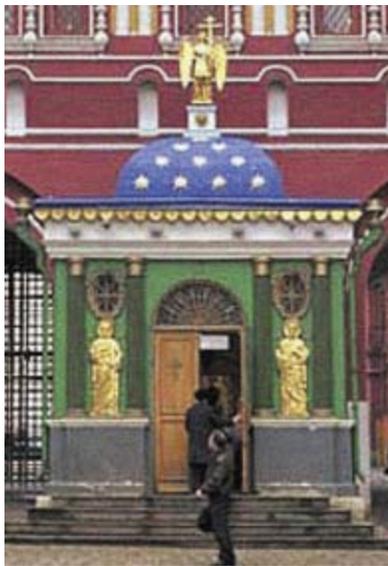
Впервые точный список с Иверской иконы Божией Матери, именуемой также «Благая Вратарница» по месту пребывания у надвратного храма Иверского монастыря, был привезён в Москву 13 октября 1648 года, по просьбе будущего Патриарха Всероссийского Никона. Икона эта была точным подобием афонской своей величиной, рисунком и письмом. На правой её ланите изображена язва, нанесённая святому лицу одним варваром, — она источала кровь.

Святую икону торжественно встречали царь Алексей Михайлович, Патриарх Иосиф, духовенство и великое множество народа. Её поместили на Воскресенских воротах, а за-

тем перенесли в каменную часовню у ворот. Икона прославилась множеством чудес и исцелений, которые записывались в особую книгу. Нескончаемым потоком верующие люди приходили к Иверской святыне, чтобы помолиться и получить благословение на свои труды. Цари и царицы, въезжая в Москву, прежде Кремля шли в Иверскую часовню, здесь же царственных посетителей ждали толпы москвичей, приветствуя их. До революции в память об изгнании неприятеля из Москвы в 1812 году каждый год в октябре совершался Крестный ход, шествовавший из Кремля к Иверской часовне, откуда выносили Святой образ и обносили его вокруг стен кремлёвских.

С Иверской иконы был сделан ещё один список, который носили по домам, чтобы благословить болящих, удрученных старостью или терпящих какую-то напасть. Они призывали святыню в дома свои для молитвословия, для утешения в горестях, для врачевания недугов и для освящения жилищ своих. Именно этот список, чтимый и намоленный, сохранился и был перенесён в храм Воскресения Христова в Сокольниках, где пребывает и поныне. Варварски разрушены были в 1934 году Воскресенские ворота и Иверская часовня, а великая русская святыня — Иверская икона — утрачена, ее местона-

*Тропарь** *Иверской иконе* *Пресвятой Богородицы*

От святыя иконы Твоя, о Владычице Богородице, исцеления и цельбы подаются обильно с верою и любовью приходящим к Ней. Тако и мою немощь посети и душу мою помилуй, Благая, и тело исцели благодатию Твоею, Пречистая.

хождение неизвестно. И потому в сентябре 1995 года Святейший Патриарх Алексий II направил послание настоятелю Иверского монастыря на Афоне с просьбой о написании для русских православных христиан нового списка со святой иконы «общей нашей Заступницы Богоматери Вратарницы». По благословению настоятеля и при усердных молитвах иверских иноков в кратчайший срок икона была написана талантливым и благочестивым иконописцем Лукой. Её торжественно доставили в Москву, и 26 октября (13 по старому стилю), в день праздника в честь Иверской иконы Божией Матери, Крестный ход со святой иконой прошёл от Казанского собора через восстановленные в прежнем величии Воскресенские ворота к Иверской часовне. Святейший Патриарх совершил чин освящения Иверской часовни и Воскресенских ворот. Отныне Иверский образ Пресвятой Богородицы вновь обрёл своё историческое место в самом центре первопрестольной Москвы, ибо отнюдь не случайно наши предки с благоговением и трепетом именовали Русь «Домом Божией Матери», которая многократно приходила на помощь русскому народу в трудные моменты истории нашего Отечества...

* *Тропарь* — песнь, кратко изображающая жизнь Святого или историю праздника.

Достижения цивилизации

(Продолжение. Начало см. в ДРГ №2, 4, 5 2014)

Железо, сталь и другие металлы

Человек отличается от животного тем, что в своей деятельности использует инструменты. Конечно, и голубя можно научить нажимать на кнопку, чтобы получать корм, и обезьяна не затруднится взять палку, чтобы достать банан. Но съев банан, обезьяна палку выбросит и забудет про неё, и только человек специально конструирует, производит и совершенствует инструменты, предназначенные каждый для своего вида работ. Первобытный человек делал инструменты из кожи, кости, ракушек, дерева и камня, но настоящий прорыв технологии произошёл, когда для изготовления инструментов начали применять металлы.

С незапамятных веков человек знал металлы, встречающиеся в самородном виде: золото, серебро и медь. На них он изучал свойства этой группы веществ и осваивал металлообработку. Археологи относят первые медные и золотые изделия к 4 тысячелетию до н. э. Но золото — слишком редкий металл, а медь — доступная и удобная в обработке — недостаточно прочна и быстро окисляется. Тем не менее её, а также бронзу (сплав меди с оловом) несколько тысячелетий применяли для изготовления оружия, деталей повозок, посуды, в строительстве и мореходстве. Но действительно серьёзный шаг был сделан, когда было освоено железо.

Железо — один из самых распространённых на Земле элементов — было освоено довольно поздно. Объясняется это сложностью его добычи и обработки. Но эти сложности возна-

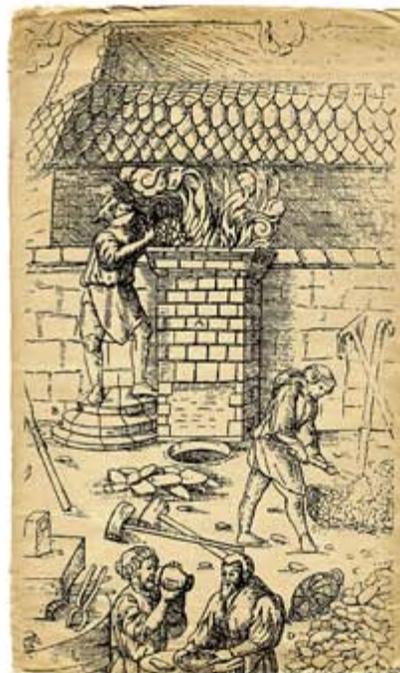
граждаются прочностью и долговечностью изделий из него, неизмеримо превосходящих бронзовые. Первые железные инструменты были изготовлены из метеоритного железа. Это очень редкий материал, и, разумеется, ни о какой массовости говорить не приходилось. Научились же выплавлять железо из руды в больших количествах и обрабатывать его около 2 тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке. Процесс был сложным, а значит, полученный материал очень дорогим. Так, греческий историк Страбон сообщал, что африканские племена за 1 фунт железа давали 10 фунтов золота. Затем через греков и римлян технология обработки железа проникла в Европу. Железный век сменил бронзовый. Но люди ещё только осваивали способы обработки этого материала. Уже римляне усовершенствовали железоплавильные печи так, что в них можно было достигать температуру плавления стали — 1400°C.

Нужно заметить, что железо в чистом виде используется очень редко. В основном для практических целей применяют сплавы — например, сплав железа с углеродом называется сталью, если количество содержащегося углерода колеблется от 0,8 % до 2,14 %. Если углерода больше 2,14 %, сплав называется чугуном. Чугун довольно хрупкий металл, поэтому сейчас он используется мало — в основном это промежуточный продукт при изготовлении стали. Чтобы получить легированную (ещё более качественную сталь), в обычную сталь добавляют хром, марганец, никель и другие присадки. Такая сталь не будет ржаветь и будет ещё прочнее. Без металлов (и в частности, железа) современный мир был бы невозможен. Начнём с биологии: железо играет важную роль в человеческом организме, оно переносит кислород ко всем частям тела. Кровь имеет красный цвет именно благодаря соединению железа — гемоглобину.

Изучение свойств железа и других металлов сыграло важную роль в химической науке. Алхимики со своей мечтой превратить свинец и другие вещества в золото, хотя и не преуспели в этой задаче, далеко продвинулись в исследовании химических свойств металлов. Одновременно постоянная потребность в металлах подталкивала практическую металлургию к совершенствованию способов извлечения металлов из руды и изучению сплавов. Затем трудами Р. Бойля, А. Л. Лавуазье, М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева и многих других была построена стройная картина химических взаимодействий, в которой металлы заняли своё место.

Но, наверное, свою «звёздную роль» железо сыграло в промышленной революции XIX–XX веков. К этому времени уже был отработан процесс получения железа, а также способы его обработки: литьё, получение сплавов, сварка,ковка, заточка. Его производство выросло в десятки раз. Железо находило применение в строительстве, транспорте, вооружениях. Без железа, наверное, не был бы изобретён ни паровой двигатель, ни двигатель внутреннего сгорания. А в русском языке оно совершенно закономерно является частью термина «железная дорога».

В современном мире использование железа уже не столь глобально. Цивилизация освоила и другие металлы — в своих областях они стали не менее важными, чем железо: так алюминий пригодился в авиации, уран — в атомной энергетике, кремний — в электронике, литий — в производстве аккумуляторов, титан — в строительстве космических аппаратов.

Цвилова Аня. 12 лет. «31 декабря»

Андрей Гришин 8 лет,
г. Москва

Я в Лефортове живу...

Я в Лефортове живу —
Я люблю мою Москву!
Я люблю Золоторожку,
Хоть в трубе она бежит,
И забытую сторожку,
Что на Яузе стоит,
И деревья вдоль дороги,
И на горке монастырь
(жаль, у Строгановской дачи
бывший парк — теперь пустырь!)
Я с балкона вижу башни,
Церкви нашего Кремля.
Помнит всё здесь день вчерашний,
Помнит всё Петра-царя:
Как оставил на дорожке
Юный Пётр сапожок
И как уронил в Рогожку,
Свой охотничий рожок.
Из окна смотрю часами
На трамвайное депо,
На старинные казармы
И на новое метро.
Я в Лефортове живу —
Я люблю мою Москву.

Осень странная такая...

Осень странная такая:
То янтарно-золотая,
То дождливо-серая,
То от снега белая,
То фруктово-ягодная,
То противно-слякотная.

То багровым вспыхнет цветом,
То зелёная, как лето,
То ледочком захрустит,
То ромашкой удивит,
То дождями разольётся,
То под солнцем рассмеётся.

Словно бы своим капризам удивляется сама.
Кончились её сюрпризы — начинается Зима.

Летом на даче

Вот — любимая река,
Воря называется,
В Воре плещется вода —
Мама в ней купается.
Вот — песчаная гора,
Таня вниз спускается,
Под горой течёт родник —
Змейкой извивается.
Вот — над Ворей облака
В речке отражаются,
В небе катятся, бегут,
В волнах кувыркаются.
Из-за ёлок и берёз
Солнце улыбается
И щекочет облака, —
Облака брыкаются.
И, схватившись за бока,
С хохотом меняются,
И во что мы захотим,
В то и превращаются.
Я бы всё зарисовал
И повесил в рамочку
И зимой по вечерам
Мы б смотрели с мамочкой.

Безбилетник

Я шёл по улице бегом,
А ветер мчался кувырком.
Я все-все лужи обходил,
А ветер воду в них мутил.

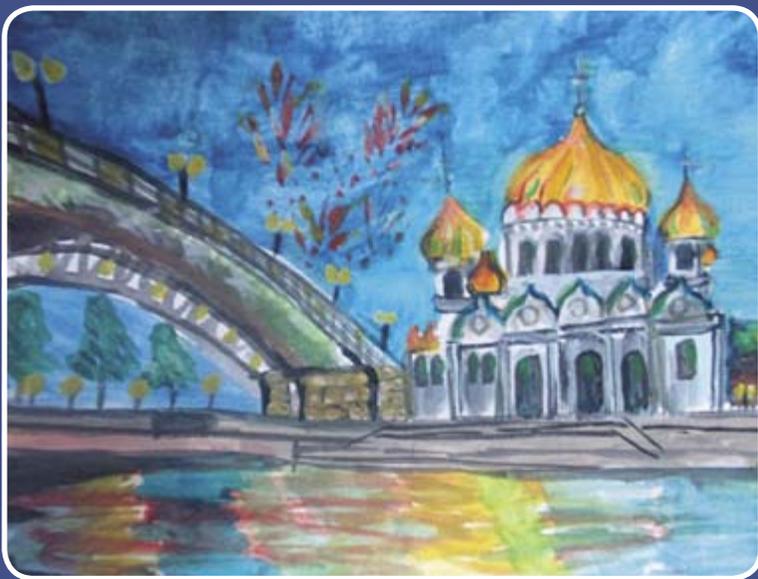
Я сел в трамвай, но вот беда,
Я не катался никогда.
И я забыл пробить билет,
Но контролёров вроде нет.

А ветер мне шепнул: — Привет,
не стой столбом — пробей билет.

Но контролёры тут вошли,
Конечно, ветра не нашли.
Проехал ветер просто так,
А я попался, как дурак.

По материалам сайта «Дети в Интернете»

Наш ВЕРНИСАЖ

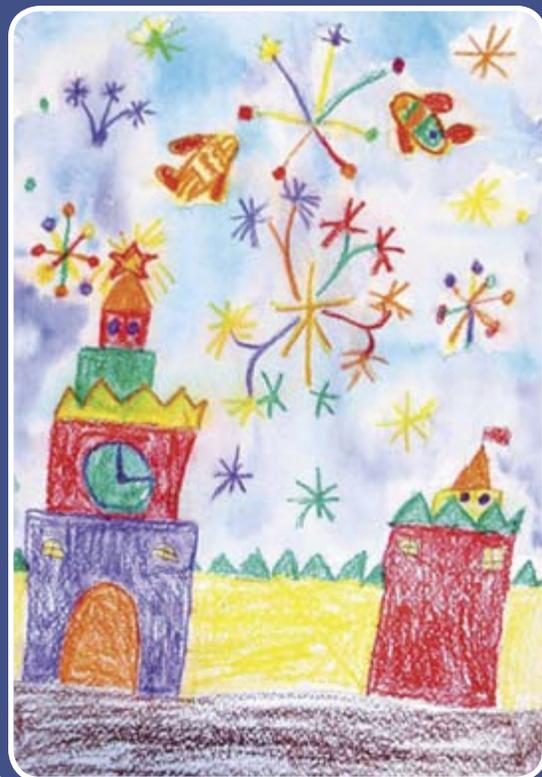

1

2

1. Бредова Ксения, 8 лет. «Православный храм»
 2. Лысенкова Катя, 13 лет. «Царь-пушка»
 3. Леонов Глеб, 10 лет. «Старая Москва»
 4. Волкова Мария, 6 лет. «Салют над Кремлем»
 5. Ефремова Анастасия, 9 лет. «Кремлевская осень»
- По материалам сайта «Дети в Интернете»

4

3

5

БУХТИНЫ:
 Настоячивый Черепашка

«Его виды старой Москвы, являющиеся в научном отношении очень верными иллюстрациями, драгоценны и в чисто художественном отношении. В них он, подобно своему брату, сумел разгадать коренную русскую, окончательно в наше время исчезающую красоту, вычурную странную прелесть целой безвозвратно погибшей культуры».

А. Н. Бенуа

А. Васнецов. Красная площадь во второй половине XVII века. 1925 г. Фрагмент

ЖИВОЙ УГОЛОК:
 Хлопотное дело

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:
 Достижения цивилизации

ЛИЦЕЙ:
 Московский манер
 на все времена